

ЧЕЛОВЕК, ОКРЫЛЯЮЩИЙ ЮНОСТЬ

К 90-летию со дня рождения А. М. Горького

МЫ ТОГДА сами еще были юные, задорные, смелые и на жизнь смотрели покоряющими глазами. А как же? Ведь мы только-только выбрались из колыбели комсомола и еще не оторвались от него. Да и трудно оторваться. Трудно по сей день, когда наши дети уже прошли через комсомолию и сами стали дядьками. Но и все равно, когда теперь смотришь на комсомольцев, молниеносно перед тобой проносятся те далекие годы становления комсомола и работа в Саратовском губкоме комсомола. Стране нужен хлеб, и ты по воле партии едешь в деревню. Нет у тебя ни валенок, ни шапки, ни шубы. Едешь. Дрожишь на морозе, как щенок, а едешь и в деревне «разворачиваешь деятельность» и порою спишь где попало. На до на дровзаготовки — едешь туда. На заводе плохо — ты там. Возвращаешься в дом, переполненный такими же, как ты, и согреваешься кипятком без сахара, собственным дыханием или около электрической лампочки... Но впереди маяки коммунизма, и мы все устремлены к ним.

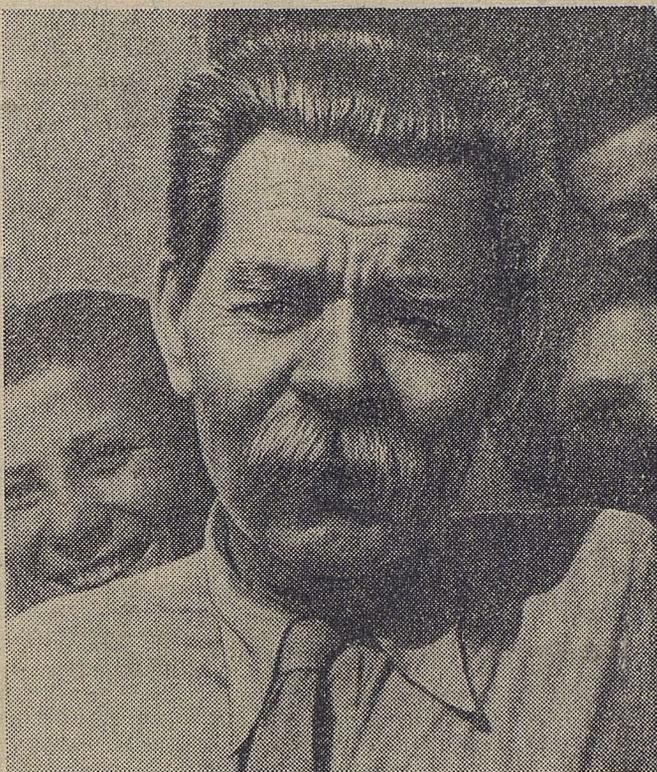
А разве ныне наши комсомольцы, комсомолки не столь же устремлены? Надо овладеть целинными землями — комсомол хлынул в пустынные степи, надо построить крупнейшие гидроузлы на Волге, Дону, Каме, Ангаре — хлынули туда... И там порою приходилось согреться собственным дыханием.

Великая сила — молодость! Так вот такими, только что вышедшими из колыбели комсомола, задорные, с покоряющими глазами, мы предстали перед Алексеем Максимовичем Горьким. Ехали к нему на дачу в Горки и нервно посмеивались, даже чуточку хохорились, как бы говоря:

— Ну, нам море по колено. А как же? Ведь у каждого из нас за плечами уже по произведению. У Александра Фадеева — «Разгром» и первая книга «Последний из Удэге», у Владимира Ставского — «Разбег», у меня — «Бруски», у Павла Юдина — книги по философским проблемам. Эге! Мы «сам с усам».

И вот перед нами за длинным столом Алексей Максимович. Волосы на голове у него пострижены ежиком. По портретам я привык к нему с шевелюрой, а тут — ежиком. Лоб широкий и изрезан продольными глубокими морщинами. Морщины и под глазами, на щеках, даже подбородке. Милые морщины! Усы в проседи, свисают. Из-под них видна нижняя толстоватая губа. Она то и дело расплывается в улыбку. Алексей Максимович с этой улыбкой встретил нас. Так же улыбается и сейчас. Говорит он понижегородски: окает. Каждое «о» с колесо. Пальцы на руках у него длинные. И когда он говорит о чем-либо значительном и желает подчеркнуть особое, то вскидывает правую руку, и указательный палец торчит перед глазами слушателя, как восклицательный знак.

Пока что он говорит, видимо, для того, чтобы мы освоились. Мы хотя и хо-

рохоримся, но он видит — нам не по себе, мы еще, как говорят, не «в своей тарелке». И он, отец нашей литературы, видит все это, потому и говорит с нами о погоде, но нет-нет да и вскинет перед нами указательный палец... и курит сигарету за сигаретой. Курит и надрывно кашляет. Зачем это он? Не бережет себя. Впрочем, мы тоже бы закурили... но нас предупредили: «Не дымите при нем». И мы терпим.

Фадеева он явно любит: все время смотрит на него и ласкает глазами. На Фадеева синеватый кубанский костюм и сапоги. Глядя на сапоги, Алексей Максимович сказал:

— Кимские сапожки-то?
— Нет. Тут, в Москве, в магазине, — чуть вспыхнув, ответил Фадеев.

— Это вы их приобрели тут, а по шитью вижу — кимские. Кимры — ужасный городишко был. Сапожники — мастера великие, а быт, нравы ужасны. Пили, жен били и просвету не видели. Ныне, говорили мне, Кимры будто другими людьми населены. Человек и там гордо голову поднял. А почему? Хозяином страны, своего труда человек стал. Особо молодежь. Большая ответственность лежит на нас с вами за молодежь.

Мы каждый в этот миг внутренне ахнули: он нас приравнивает к себе.

А Алексей Максимович продолжал:
— Молодежь — она кипучая, как море во время бури. Ей присущи и дерзание, и невероятный героизм, и некоторые черты нигилизма. Не хотим жить, как жили наши отцы... и потому порою ломают и то, что не положено ломать, а положено развивать и усовершенствовать. Вот в этом и обязаны мы молодежи помочь, за руку ее повести. Особо советскую молодежь: она на новых дрожжах растет, в неизведанную жизнь врывается, — и указательный палец Алексея Максимовича взвилась перед нами.

А мы недоуменно смотрим на его ежик: что же это он нас презирает в воспитателей? Мы же литераторы.

И это уловил Алексей Максимович, потому его нижняя губа и расплылась в улыбку.

— Писателей в недавнем еще прошлом называли пророками. Хороших, конечно, писателей, а не шантрапу-братню. Писатель несет народу правду, а за правдой идут все честные, особо молодежь-то, способная за истину погнубить на баррикадах. Вы-то как мечтаете? Быть пророками или включиться в шантрапу-братню?

— Хоть маленькие, но пророки, Алексей Максимович, — за нас всех ответил Фадеев.

— Ну, вот видите, и то хорошо. Значит, на молодежь-то мы должны обратить серьезное внимание, особенно на литературную молодежь. Это ведь особого сорта молодежь. С молоком матери всосала жажду к славе... и зачастую не разбирается в том, что есть светлая слава, которую дает народ, а есть и черная, пагубная. Леонид Андреев талантливый писатель, а под конец им овладела черная слава, пагубная... и потому в памяти народа он не остался. Светлую славу заработать труднее: она тяжелая, как чугун. Черную — легче, но она гибельна. Так понимаете, о чем я говорю?

И тут мы, конечно, уже наперебой:

— Ясно. Ясно, Алексей Максимович.

— Ответственность за молодежь и на нас.

И мы ожили. Мало этого, мы вдруг поняли, что не просто литераторы, а и воспитатели, значит, представляем из себя, хотя и маленькую, но ценную.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ потом, я не помню.

Ведь до приезда на дачу мы не только любили, но и высоко ценили Алексея Максимовича как великого писателя. Мы читали, перечитывали его замечательные произведения, учились писать у него, преклонялись перед его мастерством. Но считали: он только талантливый писатель, овладевший всеми красками, чтобы создать такой мировой шедевр, как роман «Дело Артамоновых». Нам, по нашей юношеской наивности, казалось, что Максим Горь-

кий просто от природы награжден крупнейшим талантом и из жизни черпает героев, их характеры, взаимоотношения людей запросто, так себе, как здоровый человек дышит воздухом.

А тут Алексей Максимович стал поворачиваться все новыми и новыми сторонами.

— Вот в одной семье я знал ворона. Ну, птица, ворон. Триста лет прожил и сила: подойдет к бемскому стеклу, плюнет, и стекло вдребезги, — заговорил он, хмурия лоб и вскидывая палец.

«К чему это он, о вороне?» — подумали мы.

— Вижу, усмежаетесь. А я не о вороне, а о человеке. Ворон живет триста лет, а человек? Сначала растет, потом учится, глядишь, к тридцати годам становится сознательным, к пятидесяти набирается жизненной мудрости... и пошел на закат. Безобразно! Набрался мудрости — и в крематорий. Ему, человеку, жить положено по крайней мере лет двести. Читали вы труды нашего гениального Ивана Павлова? Ведь у него...

И тут Алексей Максимович, увлекшись, подробно, детально изложил перед нами учение Сеченова, потом Павлова, доказывая, что продлить человеческую жизнь не только надо, но и возможно.

— Капиталисты же в погоне за чистоганом придумывают средства уничтожения людей. Мы — страна социализма, обязаны думать о том, как продлить жизнь человека. Древние писатели, философы мечтали, — и тут Алексей Максимович стал перечислять имена писателей, философов древних арабских стран, Китая, Индии, Рима, Греции, думавших над человеческой проблемой — продлением жизни человека.

А мы? Мы смущенно опустили головы и краснели. Было стыдно: Алексей Максимович кратко излагал перед нами мечты древних писателей, философов, а мы имена многих из них слышали впервые.

«Так вон он какой, наш Алексей Максимович, — мысленно произносил каждый из нас. — Вон какие он ставит задачи перед человечеством!»

А он уже перешел на другое:

— Машина в руках капиталиста — орудие эксплуатации, угнетения. У нас машина — друг человека, его лучший помощник. Это вполне понимают наши изобретатели, наши ученые. Вот посмотрите-ка, — Алексей Максимович сходил в боковую комнату и принес оттуда огромную папку. Развернув ее перед нами, сказал:

— Видите, что тут такое? Признаться, кроме чертежей и каких-то алгебраических вычислений, мы ничего не видели.

— Это усовершенствованный аппарат Циолковского для полета в межпланетное пространство. Талантливый человек разработал. Чего не хватает для полета? Особого металла. Ну, наши металлурги его впервые в мире создадут. А это вот машина с высшим образованием. Академик. Она вот этим рычажком будет водить по любой детали и выточит из металлической болванки подобную деталь. Это уже внедряется в нашу промышленность. А это вот, — Алексей Максимович принес еще несколько папок и показал нам несколько чертежей новых машин, одновременно рассказывая нам о том, кто изобрел, как изобрел, как боролся с косностью, рутинной, бюрократизмом. — Так кто же поможет им, этим светлым людям, пробиваться к народу? В первую очередь мы, литераторы: мы обладаем пером, перед нами открыты двери редакций. Или вот физики, химики, — и Алексей Максимович стал перечислять знаменитых физиков, химиков нашей страны и стран мира, многие имена которых, к нашему стыду, нам были неизвестны.

Я слушал, смотрел на него и думал, видимо, как каждый из нас:

«Да что это за человек! Дар писателя, конечно, ему дан от природы. Но этот дар, оказывается, подкреплен огромнейшими знаниями, не только глубоким знанием жизни, но и знанием всех других сторон человеческой деятельности. А это уже дается усидчивостью, учением и большим трудом».

И тут я вспомнил, как однажды я лечился в Кисловодске. Помню, поднялся рано утром, вышел на балкон и вдруг увидел за хребтом горы сверкающую на солнце голову Эльбруса.

— Так близко... за тем вон горным хребтом! — невольно воскликнул я.

Товарищ по палате поправил:

— Близко? Сто километров отсюда.

И в тот день такой чудесной беседы я, глядя на Алексея Максимовича, подумал:

«Вот он — такой же Эльбрус! Кажется, рядом, а до него надо переть да переть. И, конечно, ему надо жить двести-триста лет, этому человеку, обладателю крупнейшего таланта, великих знаний...»

И все-таки он от нас ушел в расцвете своего могучего таланта.

Ушел, но оставил неисчерпаемое наследство, вклад в мировую классическую литературу.

Мы изучаем наследство Алексея Максимовича, учимся у него писать и, главное, любовно, заботливо помогать жить, работать и расти нашей молодежи.

Федор ПАНФЕРОВ.